

КАТЕГОРИЯ *NOBLE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ IN STATU NASCENDI

© **Татьяна Комова**, Анастасия Шарпкова

THE CATEGORY OF *NOBLE* IN THE ENGLISH LANGUAGE IN STATU NASCENDI

Tatiana Komova, Anastasia Sharapkova

The paper explores the interrelation between the socially biased phenomena, affecting the conceptualization of knighthood in the 13th – 15th centuries and semantic changes of a group of words, representing the category of “nobility”. This category is closely connected with the changes that the conceptualization of knighthood experienced in the course of its development. We thoroughly study two works: the prose romance “Merlin” and “Le Morte d’Arthur” by Thomas Malory as featuring the chivalric realia separated by a substantial period of time. We focus on the use of the adjectives: *noble*, *gentle*, and *worthy*. They are used in both novels to describe knighthood, yet their semantics undergoes significant changes. By using the philological analysis, methods of cognitive linguistics and corpus research, we demonstrate how *noble* has become the centre of the category, describing the notion of goodness/worthiness. The processes of abstraction and disembodiment of the meaning of the adjective “noble” have led to a more complicated conceptualization of nobility since this idea was “re-categorized” under the influence of socio-cultural changes, the latter are clearly verbalized in the texts of Medieval and Early-New English periods.

Keywords: English language, lexical-semantic changes, notional category, lexical-semantic re-categorization, radial category, extra-linguistic/ socio-cultural factors, semantic dominant.

Статья посвящена вопросу соотношения социально обусловленных явлений, влияющих на концептуализацию представлений о рыцарстве в период с XIII по XV вв., и изменений, происходящих в семантике слов, репрезентирующих категорию «благородство». Данная категория самым тесным образом связана с изменениями, которые претерпевало осмысление рыцарства на протяжении своего развития. В статье детально анализируются две работы, которые изображают рыцарские реалии, но которые разделены значительным периодом времени: роман «Мерлин» и роман «Le Morte d’Arthur» Томаса Мэлори. В фокусе нашего внимания семантика прилагательных *noble*, *gentle* и *worthy*, которые используются в них для описания рыцарства, но претерпевают значительные изменения. Используя филологический анализ и методы когнитивной лингвистики и корпусных исследований, мы определяем, как лексема *noble* постепенно стала центром категории, описывающей представления о благородстве. Путем соединения семантического анализа контекстов и последующего количественного демонстрируется, как прилагательное *noble*, имевшее значение «благородное происхождение», «знатность», меняет свое значение на «благородный», что указывает на развеществление представления о знатности, ведущее к более сложному пониманию благородства, в результате перекатегоризации под влиянием изменений социокультурной среды в текстах среднеанглийского и ранненовоанглийского периодов.

Ключевые слова: английский язык, лексико-семантические изменения, понятийная категория, лексико-семантическая перекатегоризация, радиальная категория, концептуальная доминанта, экстралингвистические / социокультурные факторы.

*Переполненное сердце является
неиссякаемым источником тем,
душа облагораживает их, ум кладет
свой отпечаток на их выражение.
(В. Н. Головина «Мемуары»)*

I. Теоретические замечания по поводу исследуемого материала

Если мы говорим «благородный», то непременно вспомним о наиболее ярком образе, воплощающем благородство, – о рыцаре. Во всяком случае, именно этот образ возникнет перед внутренним взором человека, знакомого с рыцарством главным образом по книжной продук-

ции разной степени удаленности от исторических реалий. Если же мы далее представим себе рыцаря, то его обязательной характеристикой окажется «благородство», – причем благородство не столько в значении дворянского, аристократического происхождения или галантности, сколько в значении духовных ценностей и самоотверженных поступков. Так, этический компонент осмысления рыцарства вышел на первый план и остался в веках. Однако так было не всегда, и классовая принадлежность долгое время оставалась, если и не единственным, то основным значением прилагательного *noble* и целого ряда его синонимов в английском языке. В данной статье мы рассматриваем развитие семантики прилагательного *noble* и его синонимов, которое изменило значение «благородное происхождение» / «знатность» на «благородный», так из сферы материальной или классовой оценки переходя в сферу морально-нравственной. Это прилагательное заняло главенствующую позицию в рамках категории и вытеснило прилагательные *worthy* и *gentle* на периферию [Комова, Шарапкина, 2018, с. 47]. Такие семантические сдвиги указывают на то, что под влиянием изменений социокультурной среды произошла перекаатегоризация значений и развеществление представления о знатности, ведущее к более сложному и абстрактному пониманию благородства.

Периодом данной перекаатегоризации стали Средние века, поскольку социальный институт рыцарства напрямую был связан с кристаллизацией представлений о том, кто был достоин именоваться «благородным рыцарем». Поэтому прилагательное *noble*, вошедшее в английский язык в XIII веке, оказалось не просто связано с объектом описания и оценки – представителем рыцарского сословия, но на первых этапах развития семантики немислимо без него.

Таким образом, рассмотрение развития семантики лексем концептуальной лексической категории «благородство» невозможно без представления об эволюции и самого рыцарства. Рыцарство не было однородным целым, поскольку исторически сложилось три типа представителей данного сословия. Первый вид представлений явился наиболее архаичным: это, прежде всего, – воин, который «является хорошим, если был смел в битве и предан своему лорду», который был его сюзереном [Kennedy, 1992, с. 4]. Второй вид был ближе к образу «небесного воинства», возникшему благодаря крестовым походам и претерпевшему значительное влияние христианских идеалов. Здесь воин должен быть не просто храбрым, но и обладать такими качествами, как

благочестие, чистота и смирение (“*piety, chastity and humility*”), а его верность лорду сродни верности Богу, при этом последняя для него первична. Последний идеал – куртуазный, это рыцарь, строящий карьеру при дворе, поэтому он должен был иметь хорошие манеры, а также обладать знаниями и умениями в области типичного придворного времяпровождения (“*competence in the courtly pastimes*”) [Там же, с. 4–6]. Указанные идеалы формировались постепенно, однако, однажды появившись, старые представления не исчезали полностью, а соседствовали с новыми. Поэтому уже в XIII–XV вв. часто сосуществовали одновременно и реализовывались разными героями или в различных сюжетных коллизиях. Можно предположить, что именно такие изменения концептуальной структуры лежали в основе как развития семантики слов, так и перераспределения смысловых элементов в составе концептов при формировании категории «благородство».

Подробнее данную проблему в рамках размышления о развитии семантики слова затронул английский филолог К. С. Льюис, который объяснил развитие семантики слов, обозначающих «благородство» посредством противоречия (“*tension*”) между двумя важными, доминирующими значениями – социальным и этическим, которое часто не находило разрешения в реальности. «Разум не мог размышлять о тех манерах и том характере, не будучи вынужден также отметить, что они иногда полностью отсутствуют в благородных по статусу и присутствуют в тех, кто таким не является. Поэтому, самое первое социально-этическое значение было обречено отделиться от значения статуса» [Lewis, с. 22] (здесь и далее перевод наш – А. Ш.). Такое противоречие дало возможность развитию совершенно особой литературной традиции (*ungentle gentles* в оппозиции к представлению *gentillesse cometh fro God allone*), однако не объясняет, что произошло на самом первом этапе, когда значение социального статуса начало преобразовываться в значение благородства по духу. Именно формирование и видоизменение рыцарства и его мировоззренческих установок стало тем двигателем, который привел к изменению категории благородства, а оно уже – и самого лексико-семантического поля.

Наиболее интересные взаимоотношения возникают в рамках одной категории между прилагательными *noble*, *worthy* и *gentle*. Они наиболее частотны, и именно они являются в этот период наиболее близкими по значению словами и формируют синонимические отношения как «слова, обладающие высокой степенью парадигматиче-

ской близости и общими закономерностями лексической сочетаемости» [Медникова, с. 88]. Все три употребляются с одушевленными существительными (например, *man*, *knight*, *duke*) и часто могут быть взаимозаменяемы.

Для анализа развития семантики были выбраны произведения близкие по тематике, но различные по времени написания: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1380 г.), роман «Мерлин» (1450 г.), представляющий собой перевод французских рыцарских романов; «Stanzaic Morte Arthur» (1460/70г.), являющейся поэмой на тему Артурианы неизвестного автора, и «Смерть Артура» Т. Мэлори (1485г.). Из анализа частотности употреблений всех прилагательных в текстах периода Средних веков уже можно сделать вывод о том, что лексема *noble*, за счет своей социальной маркированности, постепенно вытесняет другие на периферию [Комова, Шапкова, 2018, с. 47].

Например, в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера 1385 г. *worthy* употребляется 90 раз, *noble* – 75, *gentil* – 69. В поэме «Stanzaic Morte Arthur», которая, по мнению исследователей, повлияла на роман Т. Мэлори [Kennedy, 1994], *worthy* употребляется 15 раз, *noble* – 20, *gentil* – 3. В романе «Merlin: or, the early history of King

Arthur», датированном 1450–1460 гг. и являющимся переводом с французского языка романов о короле Артуре, *noble* встречается 146 раз, *worthy* – 138, *gentil* – 47. И наконец, в романе Т. Мэлори «Смерть Артура» 1485 года издания *noble* – 459, *worthy* – 55, *gentil* – 56 (рис.1). Эти произведения различаются по объему, поэтому при пересчете на долю общего количества слов в произведении соотношения получаются несколько иными, но не менее показательными. Конечно, общая частотность не может заменить внимательного анализа самих контекстов, однако все же является косвенным указанием на возросшую значимость того или иного слова. Очевидно, что на первых этапах исконно германское прилагательное *worthy* обладало центрирующей функцией для описания достойного, благородного человека и заимствованное *noble* еще не заняло лидирующей позиции. В романе «Merlin...» в большинстве контекстов они полностью совпадают в употреблении. Но возможность сочетаемости у *noble* растет, поэтому, значительно растет его употребительность (см. рис. 1). В романе «Merlin...» уже данные прилагательные находятся в отношениях взаимозаменяемости и конкуренции и *noble* одерживает однозначную победу к XV веку в романе «Смерть Артура» Т. Мэлори.

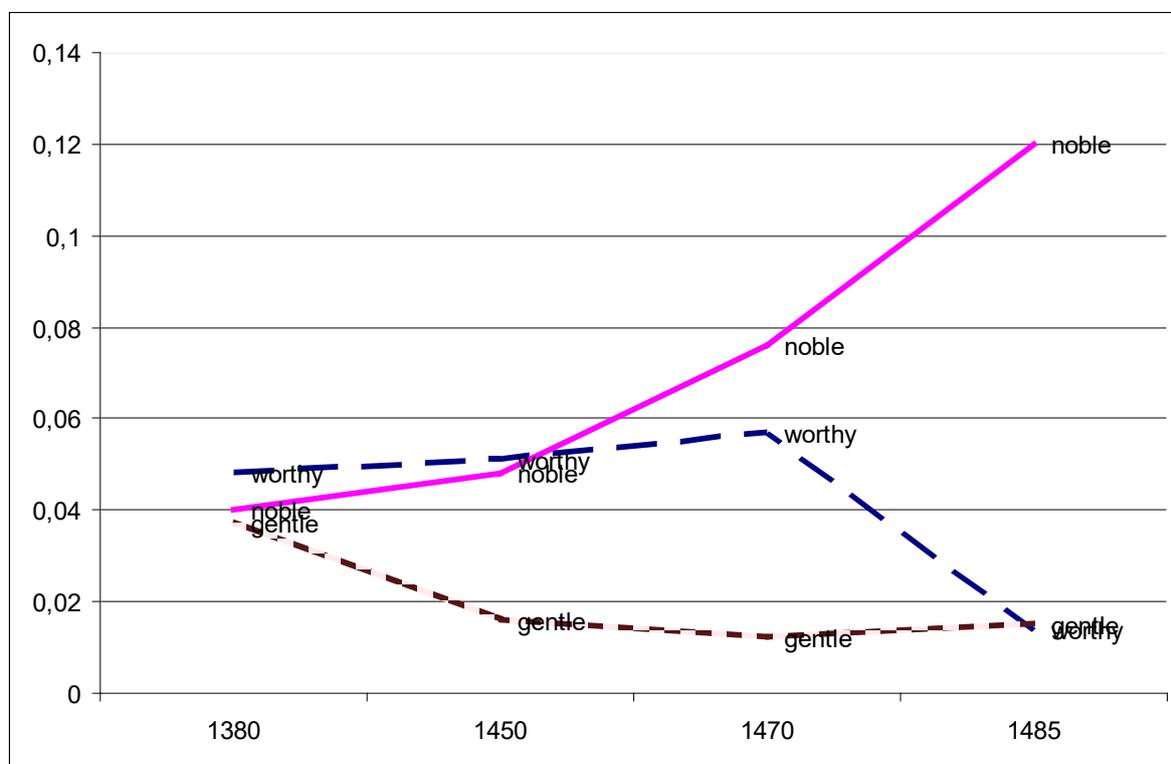

Рис. 1. Процентное соотношение употребления слов, вербализующих представление о благородстве в XIV–XV веках, в трех произведениях.

II. Благородство как концептуальная доминанта рыцарского универсума на основе анализа романов «Мерлин...» и «Смерть Артура»

Если «Кентерберийские рассказы»¹ гетерогенны в жанровом отношении, а поэма «Смерть Артура» все же следует стихотворным законам, то в рыцарском романе с главным героем-рыцарем представление о благородстве становится концептуальной доминантой. Поэтому для дальнейшего рассмотрения выбраны произведения, близкие по жанру и типу текста, но все же различные по времени составления.

Уже в романе «Мерлин...» [Merlin: or the early history of King Arthur] 1450–60 г. прилагательное *noble* заметно и значительно превалирует над *worthy*. Поскольку данный роман являлся достаточно «близким к тексту переводом на английский язык одного источника, части, посвященной Мерлину цикла Вульгаты на старофранцузском языке» [Conlee], то такое превалирование *noble* над *worthy* и *gentle* можно интерпретировать и как развитие значимости прилагательного в рамках категории, и как неизбежную интерференцию языков при переводе.

В тексте романа прилагательные *noble* и *worthy* употребляются в близких контекстах и словосочетаниях. Более того, создается впечатление их полной взаимозаменяемости при сочетаемости с одушевленными объектами, что может указывать на выбор переводчика в сторону разнообразия. 1) *Than a-corded alle the noble men and wise (100) – he that was a noble knyght and wele a-vised (152) – thei heilde hym worthy and wise (25)*²; 2) *A full noble knyght, and was also a felowe of the rounde table (173) – the worthy men of the rounde table (230)*; 3) *A right noble man and a trewe (125) – that were noble men and right gode knyghtes and trewe (194) – Full worthy men and right trewe (124)*; 4) *Alle the worthy men of his londe (39) – Alle the noble men of thi londe that will to the obbeyen (124)*. (здесь и далее разрядка наша – Т. К., А. Ш.).

Поэтому был проведен анализ значений внутри общего количества употреблений. Следуя выделенной Б. Кеннеди типологии рыцарства, мы разделили все значения по пяти основным кластерам: 1) военная доблесть, 2) моральные

качества, 3) благородное поведение, 4) принадлежность к классу. Поскольку в случае сочетания с рыцарем *noble knight*, *worthy knight*, *gentle knight* решить о значении однозначно было сложно и обращение к более широкому контексту указывало, по меньшей мере, на несколько значений, реализованных одновременно, то мы ввели и пятый кластер: 5) рыцарь: *he was a lorde and maister, and a felowe of the rounde table; and it was goode reson, for he was a noble knyght, and a trewe and full of alle vertues and goode tecches, and the moste curteise knight (463)*.

Интересно, что по сравнению с *worthy* и *noble* прилагательное *gentle*, сочетаясь с *knight*, начинает превалировать именно в прямой речи рыцарей и формульных обращениях: *A noon the kynge cryed with high voys, “Gentill knyghtes, now as armes, for now shall be shewed youre worthynesses!” (244)*. Это указывает на возникновение контекстуальных и стилистических отличий, которые далее приведут к отделению от общего поля близких значений и к спецификации значения. Также прилагательное не встречается в контекстах, связанных с войной, что, возможно, и привело к современному значению самого прилагательного.

Рассматривая количественное соотношение контекстов, можно сделать предварительный вывод о том, что *worthy* занимает область нематериального и внесловного оценивания человека по его моральным качествам и достойному поведению без явной детализации. *Noble*, равночастотное в тексте романа, показывает большую вариативность и теснее связано с оценкой именно рыцаря любого из вышеобозначенных типов. Уже в самом романе лексема *noble* более многозначна.

Если возвращаться к типологии рыцарства, то первым исторически образовавшимся типом был рыцарь-воин, и мы видим, что благородство, понимаемое как доблесть и смелость в военном поединке, также составляет значительную часть значений данного прилагательного. Текст романа «Мерлин» дает первые намеки на дальнейшую эволюцию значений изучаемой категории. Стоит обратить внимание и на небольшую часть значений лексемы *noble*, которые не укладываются в предложенную схему и прежде всего сочетаются не с одушевленными существительными, а с названиями предметов. Переход или перенос сочетаемости на другие по фундаментальным признакам объекты говорит о дисбалансе и растяжении семантики и может стать двигателем ее дальнейшего развития. Это открывает возможность развития значений, причем важным является подход не чистого семантического анализа,

¹ Подробнее об особенностях употребления данных слов в [Комова, Шарапкова, 2017].

² Здесь приводятся наиболее типичные примеры употребления в тексте романа «Мерлин». Далее в скобках приводятся страницы по [Merlin: or The Early History of King Arthur: A Prose Romance].

а категориального. Развитие категории начинается от домена «человек», где происходит разделение на благородство по крови и благородство по духу (домен материального и домен духовного).

Продолжается развитие через метонимический перенос (*a noble city, a noble council*) и абстрактное переосмысление не менее абстрактного качества, необходимого для любого рыцаря (рис.2).

Рис. 2. Сочетаемость прилагательных noble и worthy в романе «Merlin or, the early history of King Arthur: a prose romance» (1450)

Таким образом, как частотный анализ значений, так и категориальный анализ показывает, что прилагательное *noble* делает первые шаги на

пути к центральной позиции всей категории (см. рис. 3).

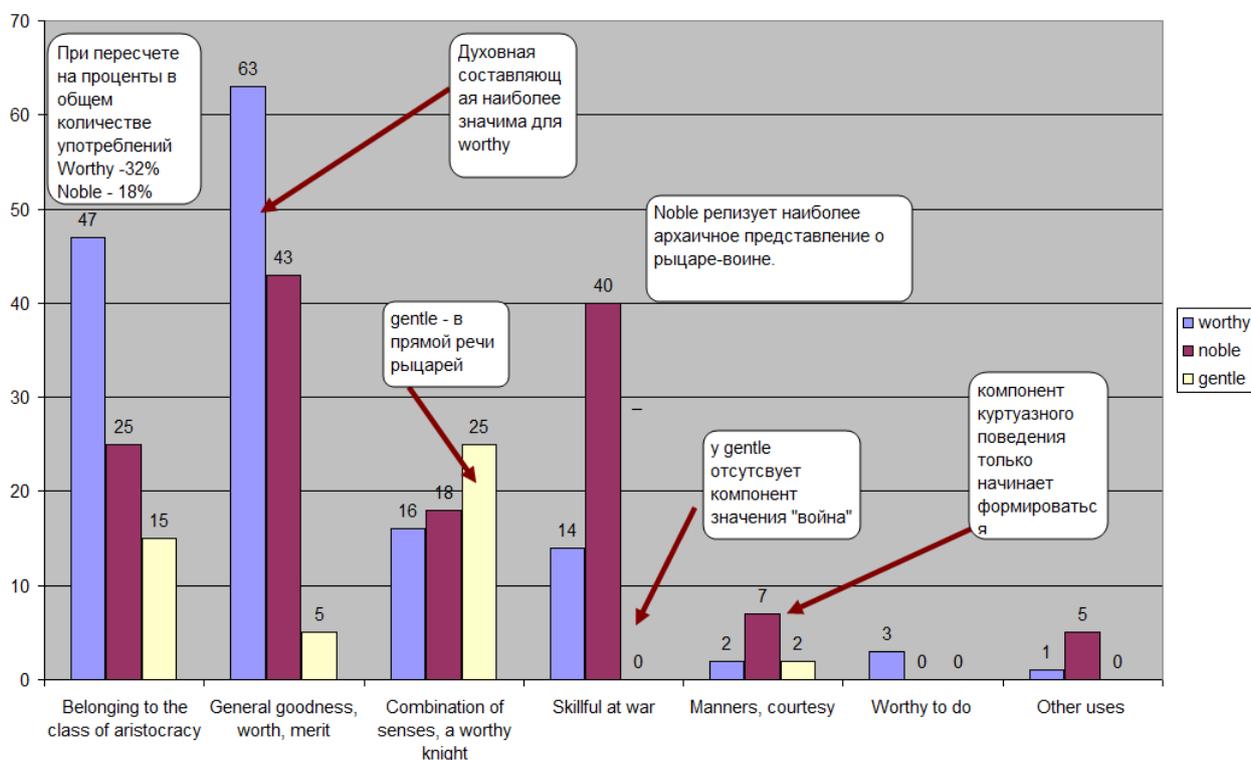

Рис.3. Частотность употребления отдельных компонентов значения прилагательных *noble*, *worthy* и *gentle* в романе «Merlin or, The Early History of King Arthur: A Prose Romance» (1450).

Важной вехой в развитии данной категории стал роман Т. Мэлори «Le Morte d'Arthur», опубликованный в 1485 году У. Кэктоном. Именно он в полной мере воплотил всю сложность раз-

ликованный в 1485 году У. Кэктоном. Именно он в полной мере воплотил всю сложность раз-

вития представлений о рыцарстве от архаического представления о войне, обладающем смелостью, физической силой и выносливостью, к образу рыцаря благородного, носителя моральных и духовных ценностей [Syt Thomas Malory]. Традиционно такой переход связывается с включением христианских ценностей в картину средневекового человека, а соответственно, и переосмыслением в рамках христианства и представлений о войне. Как отмечает Б. Кеннеди, по завершении процесса христианизации представитель рыцарства как «высшего ордена» (High Order) должен был обладать «благочестием, воздержанностью и смирением» (piety, chasity and humility) [Kennedy, 1992 с. 4].

В тексте романа Т. Мэлори «Смерть Артура» благородство буквально пронизывает весь роман от первой до последней строчки: благородной является фигура Артура, его действия и поступки, сама Британия периода царствования Артура описывается как благородная страна. Возможно, это указывает на то, что и сочетаемость, и семантика слова расширились очень резко, и само слово стало обозначать просто положительную оценку качеств. Поскольку прилагательное *noble* является одним из самых частотных и ключевым для понимания системы рыцарства в целом, то оно выносится в заглавие романа: “King Arthur and his Noble Knights of the Round Table”. Оно же и завершает его, подчеркивая важность всей книги: *Thus endeth thys noble and loyous book entyled le morte d'Arthur / Notwythstondyng it treateth of the byrth / lyf / and actes of the sayd kyng Arthur / of his noble knyghtes of the rounde table / theyr meruayllous enquestes and aduentures / thachyeuyng of the sangreal & in thende the dolorous deth & departyng out of thys world of them al* (862)³. Следует заметить, что текст романа представляет определенную сложность для интерпретации, ибо не всегда оказывается возможным разделить компоненты «знатность» и «благородство», поскольку именно в рыцарской среде происходит формирование концепта *noble*, семантика которого тесно связана с культурой социума, где оно употребляется.

В английском языке содержание исходного концепта, воплощенного в прилагательном, указывало на принадлежность к роду и являлось первичным необходимым признаком благородства, что и было отражено в языке в тот период. Наиболее частотным после слова *knight* является *blood*. Одним из наиболее частотных сочетаний с существительным *blood* становится именно *noble*

blood, когда о многих рыцарях в романе говорится, что они происходят из благородного рода: *comen of a noble blood*. Конструкция усиливается с помощью отрицательного наречия и союза *but*: *cam neuer but of a gentyll blood*. В данном случае *noble* становится абсолютным (полным) синонимом *gentyll*. Сравним, например, контекст, в котором говорится, что Король Артур происходит из высокого рода – он сын Утера Пендрагона: *he is come of a noble blood and of kynges lygnage* (226). Развитие этого значения также указывает и на принадлежность к родословной, что чрезвычайно ценилось в те времена. Это подтверждается многими контекстами романа, ибо особое внимание уделяется роду (*synn – kyn*), при этом говорится о разных представителях: *I am comen of fader syde and moder syde of a noble blood as he is* (281); *for that lady was bothe good and fayre / and a woman of noble blood & fame* (329). В последнем примере заметно, что *noble*, одновременно подчеркивая происхождение, отмечает известность как оценочный компонент, положительно характеризующий благородную даму. С появлением положительной оценки начинается процесс концептуальной деривации, приводящий к закреплению данного компонента уже как части значения и определенного способа интерпретации реальности. Но чаще автор повествует о благородной крови, которая течет в жилах рыцарей, – в этом заключаются архаичные представления о рыцарстве как о военизированном клане. Такой клан был связан родственными узами, когда во главе стоял могущественный родственник, а вассалами были его дальние родственники. В таком случае благородство определялось именно принадлежностью к роду: *And I lete you wete I am of good men / for I dare say my fader was a noble man / and soo that ye wil kepe hit in close / and this damoyssel / I wyl telle you of what kyn I am* (243). Необходимо отметить, что в средневековом феодальном обществе (а также и в романе) происходит постепенное расширение понятия «верность по крови» (kinship fidelity) и распространение его на «верность согласно клятве» (oath fidelity) [Gravett], и в определенных контекстах романа эти представления о кровном и социальном пока смешиваются: *rather than I shold shame myn othe & my blood I wille hold my way what soo euer falle therof* (503). Верность клятве также входит в систему мировидения рыцаря и в концептуализацию благородства.

Представления о благородстве требуют социального круга и для утверждения статуса рыцаря. Поэтому прилагательное *noble* соседствует с глаголами мыслительного действия в прямой речи

³ Здесь и далее приведены страницы по изданию [Syt Thomas Malory]

других рыцарей: они либо знают, что перед ними рыцарь благородной крови, либо предполагают / думают об этом, что поддерживается сослагательной модальностью глагола: *For euer me thou3te ye shold be of a grete blood* (219). Именно так утверждает Ланселот, соглашаясь посвятить в рыцари еще неизвестного тогда Гарета. Не случайно во всех контекстах, где происходит представление кому-либо или раскрытие идентичности, прилагательное *noble* употребляется с глаголами *wete* (*witen/witan*), *knowe* или *understand*, раскрывающими социальное знание и описывающими процессы мышления, получения знания и узнавания: 1) *ye shal ryght wel wete that he is comen of a ful noble blood / and as for his myghte and hardynes ther ben but fewe now lyuynge that is so myghty as he is / and so noble of prowesse It semeth by yow said kynge Arthur that ye knowe his name / and fro whens he is come / and of what blood he is / I suppose I doo so said Launcelot* (242).

Появление в английском языке слова *noble* совпало с вхождением в состав языка и лексемы *gentleman*, которая также обозначает человека высокого происхождения “well-born man” и происходит от индоевропейского корня, связанного со словом *kin* ‘род’ [Залесова]. Оба прилагательных – *noble* и *gentyl* – претерпевают близкие изменения в семантике, поскольку происходит переосмысление норм поведения и социальных идеалов, в том числе и под влиянием многочисленных рыцарских романов. Как и в предыдущем романе, *gentle* прочно занимает нишу формульного обращения, соблюдения языковых норм в общении между представителями высшего сословия. Здесь частично оно поддерживается и ключевым прилагательным категории *noble*, с которым часто и сочетается.

Несмотря на то, что и *gentle*, и *worthy* встречаются по отдельности, в данном романе очень много примеров сочетаний их друг с другом: *noble and gentle*, *noble and worthy*. Последнее сочетание *noble* и *worthy* говорит, с одной стороны, о том, что и автор, и возможные читатели чувствовали разницу в значении, а сам Т. Мэлори хотел подчеркнуть именно духовное благородство описываемого персонажа и его хорошее воспитание в противоположность (а в некоторых случаях – и дополнение) к благородному происхождению. С другой стороны, это указывает и на сближение их семантики: *worthy* влияет на *noble*, на что указывают контексты употребления прилагательного *worthy*, близкого *noble*: *Also he did do wryte all the batails that euery worthy knyght dyd of arthurs Courte* (63). Часто они даже встречаются в одних и тех же контекстах,

видимо, для того, чтобы избежать повтора. В остальном данное прилагательное встречается в контекстах, где оно является частью именного сказуемого «достойный, чтобы сделать что-то»: *I am not worthy to haue this honour* (546).

Однако начало было положено именно изменением семантики прилагательного *noble*. У. Кэстон в своем вступлении к тексту романа Т. Мэлори обращается к благородным читателям – людям высокого происхождения: *Many noble and dyuers gentylmen of thys royame of Englund camen* (2). Для него слово *noble* уже не связано с благородством происхождения, – оно подчеркивает благородство по духу и даже является вежливой формой обращения, следования нормам поведения. В тексте самого романа, когда речь идет о воспитании рыцаря, выборе наставника и обучении поведению при дворе, то есть куртуазным манерам, используется слово *gentyl*: *For he that gentyl is wyllle drawe hym vnto gentil tatches and to folowe the custommes of noble gentylmen* (278). Рыцарь-придворный (куртуазный рыцарь) постепенно начинает преобразовываться в джентльмена последующих веков, поэтому в сочетании *noble gentylman* прилагательное *noble* указывает именно на вызывающий восхищение тип поведения. Представление о благородстве наполняется все большим и большим количеством признаков, включая вежливое, куртуазное поведение при дворе и даже приятное (благородное) выражение лица (*thēne the kyng aualyd his vyser with a meke & noble coūtenaūce*).

Лексема *noble*, относясь к социальной сфере взаимодействия между людьми, послужило выразителем процессов, происходящих в социальной структуре общества, а именно – складывания нового английского нобилитета, будущей аристократии. Происходит переосмысление и слов, которые получают новую интерпретацию «за счет появления новых значений у старых лексем» – процесс, характерный для ранненовоанглийского периода XVI века [Ярцева, с. 169]. В контексте формирования феодального строя особое внимание уделялось земле и даже дому, из которого происходил рыцарь: *I vnderstande wel that the knyghte is good & come he is of a noble hous*. С благородством связано и родовое имя рыцаря: *Thenne syr Tristram remembryd hym self that sir Palomydes was vnarmed and of the noble name that sir Palomydes had and the noble name that hym self had* (568). Благородному рыцарю покровительствует Бог: *God defende said Launcelot that ony of soo noble a blood as ye be shold doo me seruyse I knowe hym wel for a good kny3te and a noble and comen of*

noble blood for alle ben noble knyghtes of whome he is comen of that is sire Launcelot du lake (510).

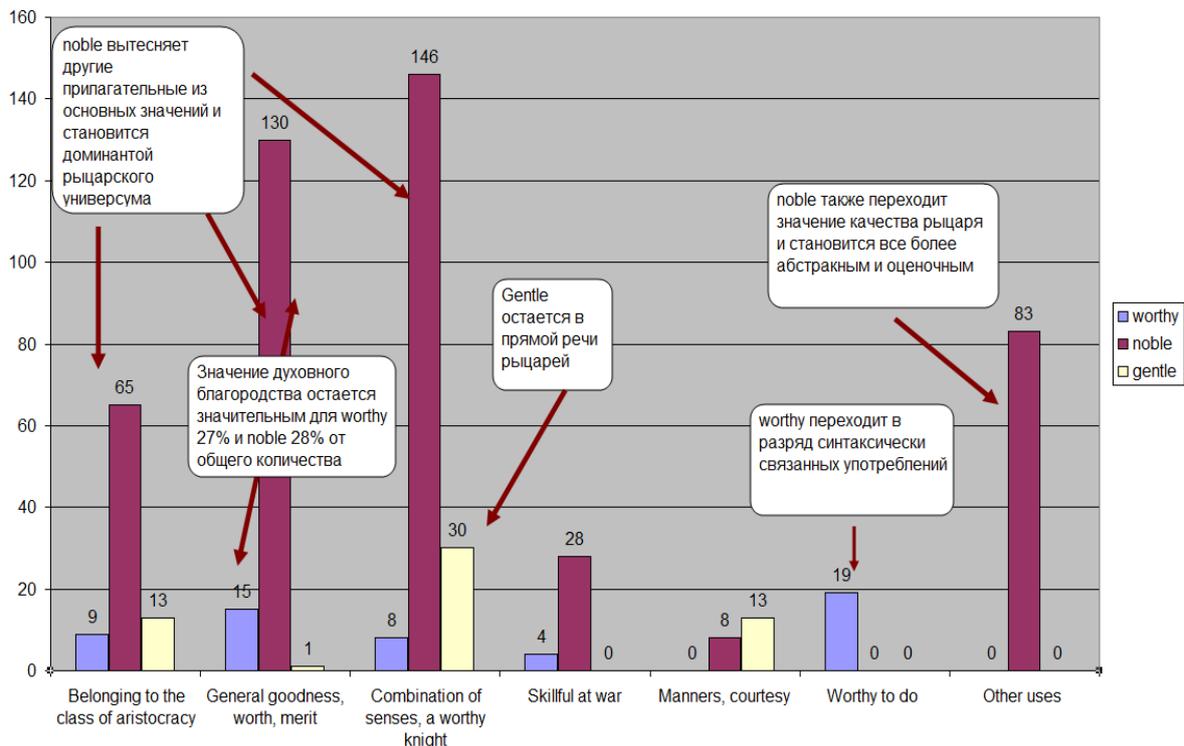

Рис. 4. Употребление прилагательных *noble*, *worthy* и *gentle* в романе «Le Morte d'Arthur» (1485)

Как видно из рис. 4, *noble* практически вытесняет другие прилагательные из базовых смыслов и приобретает наибольшую широту семантики. Оно и обозначает происхождение из благородного рода, и благородство поведения и идеалов, где, как можно заметить, оно пока еще конкурирует с *worthy*, которое постепенно уходит в контексты оценки не человека, но действия *worthy to do smth.* Значительно возросло число контекстов, где оба значения реализуются одновременно и именно *noble* становится значимым, значительно превосходящим все другие. Архаичский элемент концептуализации рыцаря как воина остается, однако в новых социальных условиях не превалирует и поддерживается только на уровне контекста и в сочетаниях с другими прилагательными: вследствие этого, *noble* уже встречается в сочетаниях *noble and myghty* (*a noble knyght and a myghty man/ a bigger man of arms and wel brethed*), а также – *noble and worthy*. Комплексное представление о рыцаре как о члене высшего ордена и куртуазном придворном выходит на первый план.

В самом романе рыцарь становится обладателем качественного признака *noble*, поскольку принадлежит рыцарскому сословию по рождению. Он совершает поступки, требуемые от рыцаря, реализует свою высшую цель и предназначение, поэтому значение слова расширяется: сначала реализуется значение “having admirable qualities” по отношению к рыцарям, чьи поступки оценивались их окружением и приносили славу (*worship, fame, glory*), а затем путем метонимического переноса по отношению к их поступкам.

В целом, расширение сочетаемости прилагательного *noble* от сочетаний с *man, knight* до сочетаний с животными, предметами (меч, копьё) и, наконец, абстрактными качествами (смелость, сила, храбрость) показывает, как само рыцарство проходило путь формирования собственных ценностей за счет антропологической релевантности и отхода от антропоцентризма, перехода в более абстрактное качество (см. рис. 5).

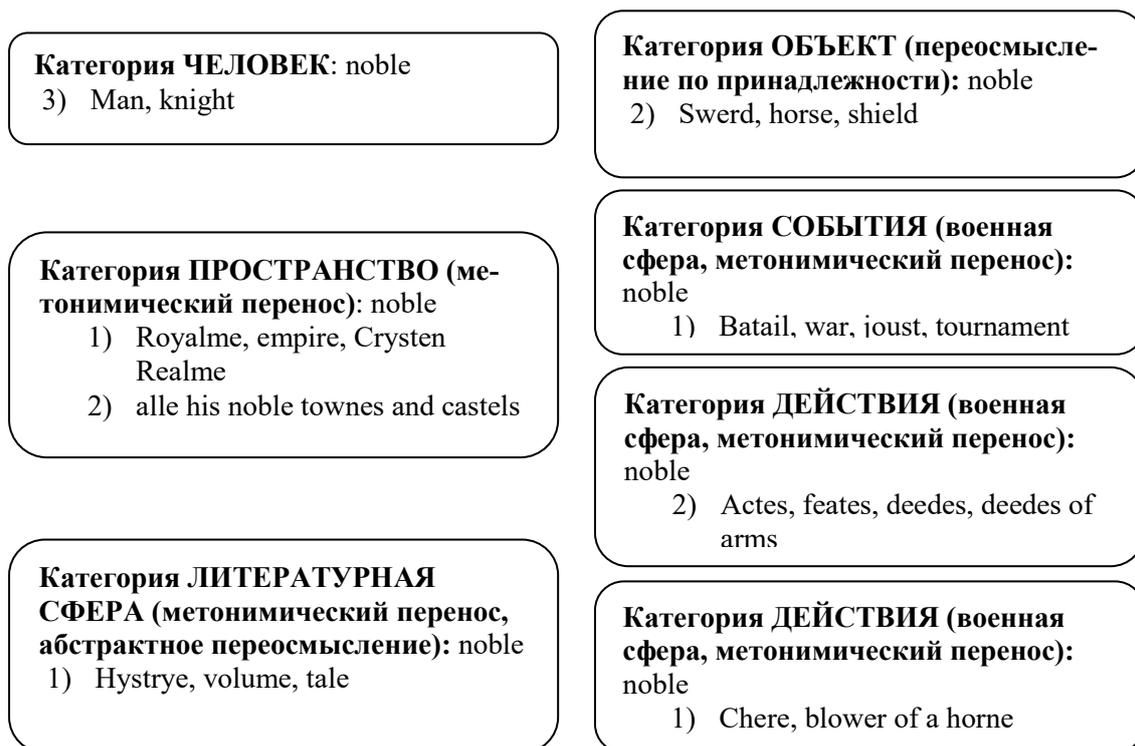

Рис. 5. Сочетаемость прилагательного noble в романе “Le Morte d’Arthur” (1485)

С изменением концептуального представления о рыцарстве изменяется и его вербализация, расширяется и семантика слова, служащего основным репрезентатом данного концепта. Язык и мысль, а точнее, лингвистическое воплощение и «объективная действительность», а в нашем случае – и художественная реальность, тесно связаны.

Наиболее частотным словосочетанием в романе становится, конечно, *noble knight*. Однако именно здесь сложнее всего отделить исконное значение благородства от более позднего “having admirable qualities”, которое описывает кодекс ожидаемого от рыцаря поведения, необходимых качеств, которые и должны вызывать восхищение и давать возможность одновременной реализации значений: *all men wondered of the noblesse of syr...* (262). Важно отметить, что, поскольку сочетание с *knight* основное и наиболее частотное, то необходимо обратить внимание на ближайший контекст, в которых оно встречается. Словами, следующими за описанием рыцаря, становятся *prowesse, deeds, might, mercy (noble prowess/ noble deeds)*. Если в начале романа встречается сочетание *noble knight of prowess*, то далее – *a mā of the most noble prowess*. Таким образом, смелость конкретного благородного рыцаря переходит в благородную смелость – абстрактное понятие, отделенное от личности ее обладателя. Подчеркнем, что анализ текста романа “Le Morte d’Arthur” позволил установить, как

структура концепта «noble» и развитие семантики слов категории коррелирует с предложенной Б. Кеннеди классификацией типов рыцарства с точки зрения их исторического развития [Kennedy, 1992]. Это объясняет, почему семантика прилагательного *noble* настолько подвижна, – она следует за своим объектом. Вследствие этого, концептуализация благородства проходила этапы, конгруэнтные развитию представлений о рыцарстве, подвергалась влиянию как новой системы вассалитета и, в свою очередь, оказывала влияние на рыцарство, одновременно как социальный феномен и как литературный конструкт, запечатленный в многочисленных романах.

Таким образом, выстраивается структура концепта *noble*: в концептуальное ядро входит благородное происхождение (*noble blood, lineage, kin, house, family*); выделяются признаки настоящей рыцарственности – смелость в поединках и сражениях (*prowesse, noble deeds, acts, noble juster* (о рыцаре)). Далее, на периферии, представлены значения общей положительной оценки того или иного человека или объекта, рыцарские качества «благородство» и «сила духа», далее – «вежливость» и «куртуазность». Постепенно ядерные признаки становятся фоном, а благородство души входит в ядро категории. И, наконец, все связанное со сферой деятельности рыцаря, его существования по метонимическому переносу является благородным. Стоит заметить, что в исторической перспективе, как только

представление о благородстве выходит за пределы своего ядра и ближней периферии, – оно расширяется, вбирает целый ряд других признаков. Данные признаки формируются вокруг ядра по принципу «радиальной категории» (*radial category* – термин Дж. Лакоффа) [Lakoff], затем распадаются на отдельные кластеры признаков по темам: например, связанные с историями и романами, с поведением рыцаря, с моральными качествами. Темы выявляются и закрепляются в контексте. При этом признаки, находящиеся в ядре, становятся сначала базисом, на котором идет построение более отвлеченных представлений, а затем и вовсе уходят: профилируется благородство поступков вне связи с рождением, поэтому с течением времени происходит, по сути, перемещение признаков с периферии к ядру структуры изначального концепта. Можно объяснить подобное развитие возникновением напряжения между реальностью и идеалом и присутствием человеку свойством минимизировать возникающие коллизии при интерпретации опыта.

Роман Т. Мэлори, оказавший огромное влияние на английскую литературу, своим исторически маркированным нарративом позволил вывести целый пласт исторически маркированной лексики и позволить ей закрепиться в новом значении в последующие этапы развития английского языка. В результате появлялись лексико-семантические дублеты, парные словосочетания, выполняющие прагмалингвистическую функцию одомашнивания «новой» лексики, что и подтверждается примерами семантической эволюции слова *noble* и его дериватов.

Условия написания романа в изменившуюся культурно-историческую эпоху становления феодального государства вынуждали пользоваться современным языком, понятным и приятным читателю нового времени – представителю аристократического сословия. Роман Т. Мэлори был не только «программным» в средневековом понимании этого слова, то есть утверждающим необходимые правила и порядки функционирования феодального общества в художественной форме и прославляющим мудрость короля Артура и сокрушающимся по поводу гибели такого королевства, но и дидактическим, воспитательным по отношению к нобилитету. Роман не случайно был одним из четырех, напечатанных У. Кэкстоном с целью «вылечить» морально нравственные проблемы современного ему общества [Blake с. 15– 48], разрываемого войной Алой и Белой Розы.

III. Выводы

Анализ текстов периода Средних веков и ранненовоанглийского периода демонстрирует

несколько аспектов, важных для понимания соотношения социально обусловленных явлений и изменений, происходящих в семантике слов. Во-первых, именно этот период стал особенно важным для развития представлений о благородстве, ибо литература, имеющая своим адресатом читающую аристократию и воплощавшая ее литературные вкусы, а также воспитывающая и отражающая необходимую этику, была влиятельной. Во-вторых, слова, входящие в категорию «благородство», изменялись под влиянием переосмысления рыцарства как социального феномена, имеющего свой определенный этический кодекс. На протяжении «истории слов» можно наблюдать, как языковая система адаптируется, подстраивается под необходимость осмысления и категоризации опыта, слова дифференцируются и сужают свое значение или, наоборот, выходят на более абстрактный уровень. Поскольку возникала потребность в расширении, или, иными словами, перекатегоризации представления о том, что есть хороший рыцарь, слова, используемые для его описания, начали проявлять новые свойства: расширение сочетаемости, – а затем и семантики, перераспределение значений между членами общего класса. Несколько типов представлений о рыцарстве, выделенных Б. Кеннеди на основе исторических данных и анализе литературы, оказались продуктивными для построения «сценария» развития значения леммы *noble* в сравнении с другими леммами, близкими по значению. Было показано, что основные семантические преобразования происходят между словами *noble*, *worthy* и *gentle*.

В статье прослеживается путь отвлечения (или развеществления) представления о благородстве, когда возникает более сложное представление о благородстве в результате перекатегоризации данного представления под влиянием социокультурной среды. В первую очередь, указанный признак теряет неразрывную связь с его носителем-рыцарем, значение расширяется и переносится на различные объекты, в том числе и физически неопределенные, такие, как *realm*, *prowess*.

Заметим также, что на употребление значительно влияет концептуальное представление, а представление о благородстве, как видно из анализа прилагательного *noble*, находилось в процессе приобретения дополнительных значений и в целом – развития. Это и влияло на изменение концептуальной, а затем – семантической структуры слова. Семантика, тем не менее, корректировалась в зависимости от того, какие слова данного поля появлялись и видоизменялись, а именно – *worthy* или *gentle*, полностью взявшее на се-

бя ту часть, что воплощалась образом куртуазного рыцаря. «Таким образом, создается обратная зависимость мышления от языка: мышление, возникшая прежде всего через отражение действительности, видоизменяется в зависимости от той системы внешних (звуковых и пр.) различий, с которыми в данном языке связываются данные понятия» [Ахманова, с. 29].

Сказанным выше подчеркивается важный принцип взаимозависимости мышления и языка, или концептуальных и семантических структур, что потребовало в нашем случае рассмотрения развития значения слова в эволюции. Наличие или отсутствие тех или иных значений сигнализирует о возможности расширения семантики – наиболее подвижного и изменчивого элемента языка. Так, самые интересные явления происходят в моменты изменений социального, культурного и ментального характера, они будто растягивают или расшатывают языковую систему, дабы сделать ее пригодной для категоризации человеческого опыта – и даже больше – для воплощения человеческого воображения, размышления, духа. Ведь языковая продукция, и изучающая ее лингвистика, и филология пронизана ЧЕЛОВЕКОМ думающим, говорящим и пишущим уже две тысячи лет о наиболее важном для человека как личности. Язык же подстраивается под создаваемую / осознаваемую реальность, и, подстраиваясь, закрепляет самое необходимое и релевантное, сохраняет это на долгие столетия. Языковая система есть не только отражение мыслительных структур *per se*, но активный и необходимый фактор развития языка в диахронии, поскольку именно благодаря неравновесной связи между знаком и его значением и понятием возникает возможность самого развития как такового, что подтверждает мысль известного психолога Л.С. Выготского о том, что «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Выготский, с. 330].

Список литературы

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. 520 с.

Залесова Н. М. Формирование и восприятие образа джентльмена в языке и культуре США: дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2009. 219 с.

Комова Т. А., Шаранкова А. А. Worthiness or nobility? semantic changes of the category "nobility" (based on "canterbury tales" by g. chaucer) // Ахмановские чтения - 2016: материалы конференции / Под ред.

И. Н. Фомина. Университетская книга, Москва, 2017. С. 44–59.

Комова Т. А., Шаранкова А. А. Путь от знатности в англо-саксонский период к благородству и рыцарской доблести в среднеанглийский период // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 2 (52). С. 47–60.

Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка): Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 208 с.

Ярцева В. Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.

Benson L. D. Malory's Morte d'Arthur. L.: Harvard UP, 1976. 289 p.

Blake N. F. Caxton and his world. L.: Andre Deutsch Ltd., 1969. 256 p.

Conlee J. W. Prose Merlin. Western Michigan University Medieval, 1998. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/publication/conlee-prose-merlin> (дата обращения: 16.09.2019)

Gravett C. Knight Noble Warrior of England 1200-1600. Oxford: Osprey Publishing, 2008. 288 p.

Kennedy B. Knighthood in the Morte Darthur. Cambridge: D. S. Brewer, 1992. 353 p.

Kennedy E. D. The Stanzaic Morte Arthur: The Adaptation of a French Romance for an English Audience // Culture and the King: The Social Implications of the Arthurian Legend: Essays in Honor of Valerie M. Lagorio / ed. by Martin B. Shichtman and James P. Carley. Albany, NY: State University of New York Press, 1994. pp. 91-112.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Lewis C. Studies in Words. Cambridge: CUP, 1960. 240 p.

Merlin: or, The Early History of King Arthur: A Prose Romance (about 1450-1460 A.D.) / ed. by Henry B. Wheatley, Henry Benjamin, 1838-1917. L.: Kegan, Paul, Trench, Trübner, & Co., 1899. 350 p. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/Merlin> (дата обращения: 16.09.2019)

Syr Thomas Malory. Le Morte d'Arthur. Ann Arbor, MI: University of Michigan Humanities Text Initiative, 1997. URL: <http://name.umdl.umich.edu/MaloryWks2> (дата обращения: 16.09.2019) (Источник: Syr Thomas Malory. Le Morte d'Arthur / ed. by Caxton, W., 1485. репринт. David Nutt. L., 1889.)

References

Ahmanova, O. S. (1957). *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on Russian Philology]. 295 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)

Benson, L. D. (1976). *Malory's Morte d'Arthur*. London, Harvard U. (In English)

Blake, N. F. (1969). *Caxton and His World*. London, Andre Deutsch Ltd. (In English)

Conlee, J. W. (1998). *Prose Merlin*. Western Michigan University Medieval. URL: <https://d.lib.rochester.edu>

/teams/publication/conlee-prose-merlin (accessed: 16.09.2019). (In English)

Gravett, C. (2008). *Knight Noble Warrior of England 1200-1600*. 288 p. Oxford, Osprey Publishing. (In English)

Iartseva, V. N. (1985). *Istoriia angliiskogo literaturnogo iazyka IX-XV vv.* [History of the English Language in the 9th – 15th Centuries]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Kennedy, B. (1992). *Knighthood in the Morte Darthur*. 353 p. D. S. Brewer. (In English)

Kennedy, E. D. (1994). *The Stanzaic Morte Arthur: The Adaptation of a French Romance for an English Audience*. In Culture and the King: The Social Implications of the Arthurian Legend: Essays in Honor of Valerie M. Lagorio. Ed. by Martin B. Shichtman and James P. Carley. Pp. 91–112. Albany, NY, State University of New York Press. (In English)

Komova T. A., Sharapkova A. A. (2017). *Worthiness or Nobility? Semantic Changes of the Category "Nobility" (based on "Canterbury Tales" by G. Chaucer)*. Akhmanovskii chteniia - 2016: materialy konferentsii / Pod red. I. N. Fomina. Pp. 44–59. Moscow, Universitetskaia kniga. (In Russian)

Komova, T. A., Sharapkova, A. A. (2018). *Put' ot znatnosti v anglo-saksonskii period k blagorodstvu i rycarskoi doblesti v sredneangliiskii period* [A Path from Worthiness in Anglo-Saxon Period to Nobility and Chivalric Valour in Middle English]. Pp. 47–60. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (52). (In Russian)

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. 632 p. Chicago, IL, the University of Chicago Press. (In English)

Lewis, C. (1960). *Studies in Words*. 240 p. Cambridge, CUP. (In English)

Mednikova, E. M. (2010). *Znachenie slova i metody ego opisaniia (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)* [The Meaning of a Word and Methods to Describe It (based on modern English)]. Uchebnoe posobie. Izd. 2-e. 208 p. Moscow, Izdatel'stvo LKI. (In Russian)

Merlin: or, The Early History of King Arthur: A Prose Romance (about 1450-1460 A.D.) / ed. by Henry B. Wheatley, Henry Benjamin, 1838–1917. 350 p. London, Kegan, Paul, Trench, Trübner, & Co. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/Merlin> (accessed: 16.09.2019). (In English)

Syr Thomas Malory (1997). *Le Morte d'Arthur*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Humanities Text Initiative. URL: <http://name.umdl.umich.edu/MaloryWks2> (Source: Syr Thomas Malory. *Le Morte d'Arthur* ed. by Caxton, W., 1485. reprint. by David Nutt. London, 1889) (accessed: 16.09.2019). (In English)

Vygotskii, L. S. (1956). *Myshlenie i rech'* [Cognition and Speech]. In *Izbrannye psihologicheskie issledovaniia*. 520 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. (In Russian)

Zalesova, N. M. *Formirovanie i vospriatie obraza dzhentl'mena v iazyke i kul'ture SSHA* [Formation and Perception of the Image of a Gentleman in Language and Culture of the USA: Ph.D. Thesis]. 219 p. Moscow, MGU, Blagoveshhensk. (In Russian)

The article was submitted on 13.09.2019

Поступила в редакцию 13.09.2019

Комова Татьяна Андреевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51.
warapkova@mail.ru

Шарапкова Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, преподаватель,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51.
warapkova@mail.ru

Komova Tatiana Andreevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Building 51, 1 Leninskie Gory Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
warapkova@mail.ru

Sharapkova Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Senior researcher, lecturer,
Lomonosov Moscow State University,
Building 51, 1 Leninskie Gory Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
warapkova@mail.ru